

КОНЕЦ БЕЛОГО ПРИМОРЬЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД БЕЛОПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ

БОРИС ФИЦМОНОВ

УЧАСТНИК СОБЫТИЙ, ОФИЦЕР-АРТИЛЛЕРИСТ

Борис Филимонов

**Конец белого Приморья.
Последний поход
белоповстанческой армии**

«Центрполиграф»

1952

УДК 94(571.6)
ББК 63.3(2).612

Филимонов Б. Б.

Конец белого Приморья. Последний поход белоповстанческой армии / Б. Б. Филимонов — «Центрполиграф», 1952

ISBN 978-5-9524-6038-6

Настоящая книга офицера-артиллериста Б. Филимонова является продолжением двух его книг «Белоповстанцы» и охватывает события лета и осени 1922 года, происходившие в Приморском крае, повествует о так называемом Дальневосточном исходе белогвардейцев и интервентов из России в Китай. По выражению автора, он хотел сохранить для поколений «дела и труды своих друзей и соратников». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(571.6)
ББК 63.3(2).612

ISBN 978-5-9524-6038-6

© Филимонов Б. Б., 1952
© Центрполиграф, 1952

Содержание

I	6
II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Борис Филимонов Конец белого Приморья. Последний поход белоповстанческой армии

Борис Филимонов
Участник событий, офицер-артиллерист

КОНЕЦ БЕЛОГО ПРИМОРЬЯ

КРАСНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЮЖНОЕ ПРИМОРЬЕ
1922 г.

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023
© ЗАО «Центрполиграф», 2023

I

Войска Временного Приамурского правительства после Хабаровского похода

Общее положение. – Правительство, командование и армейская масса. – Переформирования. – Ассигновки. – Намерения командования

К 1 апреля 1922 г. Хабаровский поход войск Временного Приамурского правительства был закончен. Так называемые белоповстанцы, после ряда побед и поражений, отошли в Южное Приморье и теперь расходились по своим старым квартирам, то есть 3-й стрелковый корпус вернулся во Владивосток и Раздольное, 2-й Сибирский стрелковый корпус стал гарнизонами в Никольск-Уссурийском, Спасске и нескольких иных населенных пунктах по обеим веткам, что к северу от Никольска, части 1-го казачьего корпуса расположились, как и прежде, в районах обоих стрелковых корпусов.

Пройдут годы, и национальные белые русские исследователи будут именовать этот Хабаровский поход «славным», они станут утверждать, что он явился единственным оправданием существования остатков белых армий адмирала Колчака после красноярской катастрофы, так как без этого похода белых войск на север, под началом генерал-майора Молчанова, вся история Белого движения в Сибири, после означенной выше красноярской трагедии, свелась бы к одной лишь пассивной обороне и отсиживанию под крылом интервентов. Белые исследователи будут доказывать, что своим походом на Хабаровск и дальше генерал Молчанов и его белоповстанцы доказали, мол, что «порох есть еще в пороховницах» и что, поддержав население активно армию в ее движении на запад от Хабаровска, на фоне сложностей, которые имели красные в то время во всем своем тылу, неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба России. Красные советские деятели со своей стороны широко разрекламируют не только по всему Союзу, но далеко за границей своих славных героев, взявших Волочаевку – этот оплот «белобандитов», опиравшихся на японских «интервентов» и «самураев», а также на «гносного предателя революции» – Бронштейна-Троцкого, который в действительности в описываемую пору являлся главнейшим руководителем Красной армии. . . Всего не перескажешь, но все это будет много позже весны 1922 г., одинаково тяжелой и безрадостной как для белых, так равно и для красных. Народно-революционная армия Дальневосточной республики была обескровлена и голодала; антисемитизм буйно развивался в ее рядах; вместе с тем, получив под Спасском встряску от японцев, красные готовы были, при малейшем нажиме на них, драпануть далеко на север. К их счастью, нажимать на них было некому: положение недавних белоповстанцев было не лучше: в моральном отношении они тяжело переживали неудачу своего похода на север; в материальном же отношении их положение находилось на грани полного отчаяния. Нелады командования с правительством грозили принять весьма резкие формы, а глухое, все разрастающееся недовольство правительством и командованием грозило полным развалом последней действительной противобольшевистской силе.

Такова была в общих чертах обстановка в Южном Приморье на первые числа апреля 1922 г. Перейдем же теперь к подробностям.

До Хабаровского похода 1-я стрелковая (так называемая «глудкинская») бригада квартировала в Спасске, семеновские части, образовавшие в течение похода 3-ю пластунскую бригаду, занимали Гродековский район, а коренная 2-я Сибирская стрелковая бригада стояла гарнизоном в Никольск-Уссурийском. Теперь, после похода, 2-я бригада вернулась в свои старые, достаточно хорошо уже оборудованные казармы, 3-я бригада была поставлена в Спасске, а 1-

я бригада сначала предназначалась для занятия трех селений (Тарасовка, Мещанка, Лубянка) примерно на середине расстояния между Спасском и Никольском, а затем получила своим окончательным местом расположения село Ново-Никольское, находящееся в десяти верстах от города Никольск-Уссурийского (по дороге на Полтавку). Квартирьеры 1-й стрелковой бригады были направлены в село, квартиры разбиты, но в самую последнюю минуту последовала перемена, и эта бригада была полностью помещена также в самом городе Никольск-Уссурийском. В то же время Поволжская бригада разместилась в самом Владивостоке, а Ижевско-Воткинская бригада – в Раздольном. Весь этот развод войск по пунктам своего окончательного назначения последовал в конце шестой недели Великого поста (между 5 и 10 апреля нового стиля).

За свое полугодовое (июнь – ноябрь 1921 г.) пребывание в Спаске чины 1-й стрелковой бригады сжились с местными, а потому были несколько разочарованы переменной стоянки, тем более что большинство других частей оставались в своих старых казармах. Расположение в деревнях (Тарасовка, Мещанка, Лубянка), с одной стороны, грозило неприятностями (партизаны), но, с другой стороны, позволяло также надеяться на сравнительное приволье расположения по частным квартирам. Подгородное село Ново-Никольское с пробольшевицки настроенным его населением совершенно не радовало белоповстанцев, а потому весть о расположении в самом городе, в полуразбитых казармах, все же была встречена с известной долей облегчения.

При своем прибытии на ст. Никольск-Уссурийский чины 1-й стрелковой бригады встретились с анненковцами: дивизион полковника Иллатьева из Западного Китая, пройдя через Пекин, ехал теперь во Владивосток на службу к последнему белому правительству. На офицеров-белоповстанцев анненковцы произвели очень хорошее впечатление: все они от командира до последнего рядового партизана (так они именовали себя) были здоровыми, физически крепкими людьми; молодцеватого вида, подтянутые, с лихо заломленными фуражками и чубами из-под них, они были так не похожи на неуклюжих, разболтанных и часто малорослых каппелевских вояк.

Последняя неделя перед святой Пасхой была потрачена на оборудование казарм и устройство в них. Это особенно касалось частей 1-й и 3-й бригад, попавших в разбитые и совершенно непригодные казармы. Пехотные полки 1-й бригады были помещены в непосредственном соседстве с частями 2-й Сибирской стрелковой бригады, но батарея 1-й стрелковой бригады почему-то была помещена совершенно на отлете от всех остальных русских воинских частей, на другом конце города в военном городке, вместе с семьями своей и 3-й бригад, среди расположения японских войск. Под батарею и семьи была отведена большая двухэтажная казарма, рассчитанная на батальон. Огромная ротная палата дощатыми перегородками, далеко не доходящими до потолка, делилась на ряд маленьких клетей – по одной на семью. Все, что говорилось или делалось, было слышно в соседних клетушках. Наличие маленьких детей довершало гармонию: с раннего утра до поздней ночи в этом «тихом» обиталище стоял невыносимый гул. А между тем куда проще было бы поселить семьи в ряд тут же рядом находящихся и пустующих офицерских флигелей или же, наконец, деревянные, рассчитанные на одну роту бараки. В этих бараках перегородки, отделяющие клетки, доходили до самого потолка, да и семей было бы меньше на одну палату, что дало бы людям более сносные условия существования. Всего этого почему-то не было сделано. Почему? Ответить на сей вопрос не могу.

Перед самым праздником святой Пасхи части получили самые разнообразные гимнастерки, брюки, английские ботинки с обмотками, сапоги, немного нижнего белья и одеяла. Но все это было выдано в незначительном количестве и покрыть полностью нужду частей, а также привести внешний вид к единообразию не позволяло.

16 апреля – в первый день святой Пасхи – глава правительства Спиридон Дионисович Меркулов, военный министр Николай Дионисович Меркулов и командующий войсками генерал-лейтенант Вержбицкий произвели смотры гарнизонов Владивостока и Раздольного. На

следующий день, то есть на второй день святой Пасхи – 17 апреля, они прибыли в Никольск для производства смотра и парада гарнизона этого города. На парад были выведены только прилично одетые люди, и тем не менее фронт выстроившихся покоем воинских частей на огромном плацу военного городка был пестр. На правом фланге стала 1-я стрелковая бригада, затем 2-я Сибирская стрелковая бригада и, наконец, на левом фланге, забайкальцы-казаки. Части были без винтовок. В каждой из бригад имелось по одному оркестру музыки (духовой). После обхода фронта частями членами правительства и командующим, во время которого С.Д. Меркулов здоровался с войсками, а последние отвечали, именуя его «вашим высокопревосходительством», последовал молебень, а затем члены правительства и командующий войсками обратились с речами. Поздравляя с окончанием похода и праздником святой Пасхи, они благодарили воинов за службу Родине и обещали всяческие блага. Между тем настроение в рядах войсковых частей было далеко не в пользу правительства, и вот, когда, после речей, части были направлены церемониальным маршем, повзводно мимо правителей, многие в рядах не утруждали себя ответом на приветствие принимавших парад. Некоторые шли, умышленно размахивая руками. Лучше всех отвечала и прошла 2-я Сибирская стрелковая бригада, коренными частями которой в прошлом командовал сам генерал Вержбицкий. 1-я стрелковая бригада прошла и отвечала хуже, у забайкальцев в подавляющем числе взводов ответ на приветствие выкрикивало обычно только несколько человек, а один из взводов – так тот совсем не утрудил себя ответом правителям и прошел, размахивая руками, при гробовом молчании. Совершенно напрасно думать, что в этом «разнобое» повинна была малая выучка воинских чинов, нет, тут следует подчеркнуть, что налицо была не плохая выучка, а демонстрация. Частушка ходила по рядам войск такого содержания:

Полководцы, орлы —
все идейные,
у них лавочка
у всех – бакалейная.

И этот стих ясно говорит о настроении белых бойцов того времени.

Непочтение к членам правительства и командующему войсками, выраженное армейской толщей на параде 17 апреля, явилось показателем начавшегося брожения в войсках. За труды, лишения и раны в только что окончившемся походе все чины бывшей белоповстанческой армии получили награду – по одной пачке сигарет в красной обертке с белым зайчиком, изображенным на ней. Эта награда еще более озлобила людей и содействовала усилению брожения в частях. Конечно, при отсутствии курева приятно выкурить и двадцать сигареток, но все же нельзя за поход благодарить пачкой сигарет. Приближалось 1 мая, а с ним истекал шестимесячный контракт добровольческой службы, установленный самим Приамурским правительством и командованием. Согласно контракту, желающие могли теперь уйти из войск на самом законном основании. Таких нашлось много, слишком даже много, так много, что из-за выхода из рядов армии всех желающих самое существование ее должно было быть поставлено под большой вопросительный знак.

«Торгашеское правительство не дает ни копейки, а само наживает деньги на галошах. Людей гоняют в декабре в шинелях и дождевиках, а в апрельскую распутицу – в валенках. Хорошо строить планы, сидя в кабинетах. Нам терять нечего – мы уйдем в полосу (отчуждения КВЖД), там работа найдется. Если же они хотят воевать, то пусть сами подставляют свою шкуру под пули». Пусть такие рассуждения по сути своей слишком наивны и ложны, но важно то, что именно таково было настроение офицеров и солдат белоповстанческих войск после возвращения из похода на Хабаровск. Рапорта и докладные записки о намерении 1 мая

распрощаться со своими военными семьями подавались пачками. В результате некоторые из частей должны были бы ликвидироваться чуть ли не полностью.

Каково же будет положение белой власти, если вся ее реальная сила разойдется? Опираясь на чужеземцев смешно и невозможно. Следовательно, придется самоликвидироваться и подарить край своему заклятому врагу – большевикам? Это тоже невозможно. Правительство и командование приступили к борьбе с настроениями в войсках. Командиры корпусов собрали командиров частей, но последние могли лишь констатировать факт. Воздействовать на солдат через офицеров не представлялось возможным, так как офицеры наравне с солдатами, массами собирались покинуть ряды войск. 22 апреля офицеры всех частей Никольск-Уссурийского гарнизона были вызваны в помещение офицерского собрания Омского стрелкового полка и командир 2-го Сибирского стрелкового корпуса, генерал-майор Смолин, обратился к ним с речью, в которой призывал их остаться в рядах армии, указывая на приближающийся крах большевизма, просил воздействовать на солдат, говорил о долге, роли офицера. После обеда в тот же день 22 апреля бригады Никольск-Уссурийского гарнизона были собраны в полном составе, и полковник Аргунов (командир 2-й Сибирской стрелковой бригады, в прошлом начальник штаба генерала Смолина) вновь обратился к офицерам и солдатам: «Нужно остаться. Коммунистическое правительство скоро рухнет. Приамурское правительство обещает выплатить жалованье, дать обмундирование и все необходимое. Уходить нельзя, кто уйдет – тот изменник. Коммунисты рухнут. Армия поедет домой. Тот же, кто уйдет, не будет принят обратно под знамена и останется тут, на чужбине. Армия его не примет назад, а как он один сможет добраться без денег домой? Уходите, если хотите, если у нас нет совести, но помните это» – таков был вкратце смысл его речи. Позднее, через несколько дней, генерал-майор Борзиловский (начальник гарнизона города Спасска в 1921 г.) еще раз говорил с чинами 1-й стрелковой бригады. Такие же собрания происходили в прочих частях 2, 3 и 1-го корпусов, но все речи старших начальников мало действовали на людей. Казаки-оренбургцы, обжившиеся за истекшую зиму среди своих сородичей – казаков-уссурийцев, выселившихся лет тридцать – сорок тому назад из Оренбургского казачьего войска и ныне представлявших достаточно распропагандированную красными массу, намеревались чуть ли не полностью махнуть в РСФСР. Число желающих уйти во всех частях не уменьшалось.

24 апреля во Владивостоке Временное Приамурское правительство издало приказ № 294. Вот его текст:

«Обстановка, как внешняя, так и внутренняя, за последние несколько дней после приказа Управляющего Военным ведомством о праве желающих оставлять ряды армии с 1 мая настолько изменилась, что Приамурское правительство вынуждено было пересмотреть этот вопрос и предписывает ныне, в силу изменившихся обстоятельств, требующих полного напряжения сил армии для сохранения национальной приамурской государственности, совершенно **ПРЕКРАТИТЬ ОСТАВЛЕНИЕ** рядов армии впредь до того момента, когда к этому представится возможность.

Правительство полагает, что обстановка, по-видимому, вынудит даже объявить в недалеком будущем мобилизацию граждан, и решило, что не остановится и перед этим шагом во имя спасения дела национального возрождения.

Правительство считает долгом, одновременно с этим, объявить армии и о принимаемых правительством героических мерах по устроению армии – главным образом реорганизации снабжения, для улучшения жизни и быта армии, для смягчения тяжелых материальных условий чин ее, правительство установит твердую шкалу хотя бы скромного денежного довольствия, но ежемесячно аккуратно выплачиваемого.

Правительство твердо верит, что армия, живущая национальным чувством глубокой любви к Родине, встретит этот приказ с полным удовлетворением».

Приказ этот был подписан председателем правительства С. Меркуловым и управляющим Военно-морским ведомством генерал-лейтенантом Вержбицким.

Широкой огласки приказ этот в армии не получил, во всяком случае, в некоторых частях зачитан он перед фронтом не был, а потому в этих частях создалось впечатление, что правительство и командование просто замолчало дело, уложив все рапорты и докладные записки о выходе из рядов войск, что называется, «под сукно». Без особых разъяснений и приказов вниз по инстанциям было сообщено, что увольнений не будет, ибо приказ о разрешении выхода был «кем-то» написан без соответствующего разрешения «кого-то», а потому считается недействительным.

Сыграла ли роль привычка повиноваться, или же желавших уйти действительно было меньше кричавших о сем, но так или иначе армия не разошлась. Люди в частях поговорили, пошумели, побранили в свое удовольствие свое правительство и командование, но мало-помалу уgomонились и остались служить. Только единицы, твердо решившие бросить ряды войск, ушли. Они были объявлены в приказах дезертирами, но этим дело и ограничилось, так как их собственные командиры и сослуживцы отлично понимали их, не осуждали и не преследовали.

Для характеристики состояния белья, обуви, обмундирования и снаряжения чинов войск Временного Приамурского правительства можно привести данные о конно-ординарческой команде штаба III стрелкового корпуса. Однако при этом не следует забывать, что команда эта, как всегда находящаяся на глазах у корпусного командира и вместе с тем менее страдавшая от превратностей походно-боевой жизни и службы, находилась, бесспорно, в лучших материальных условиях, нежели какая-либо бывшая семеновская пехотная часть. Впрочем, и коренные каппелевские части также мало выгадывали по сравнению с бывшими семеновцами. На 16 солдат конно-ординарческой команды, согласно арматурному списку от 27 мая 1922 г., приходилось: нательных рубах – 29, кальсон – 29, утиральников – 16, носовых платков – 21, портянок – 11 пар, сапог – 16 пар, летних шаровар – 28 пар, фуражек – 16, шинелей – 16, летних гимнастерок – 14, перчаток – 16 пар, ранцев – 11, котелков – 8, патронных сумок – 16, простыней – 32 штуки, мешков для матрасов – 16, наволочек – 32, одеял – 16, шпор – 15 пар. Совершенно отсутствуют: суконные шаровары, мундиры, суконные гимнастерки, вещевые мешки, фляги и т. п. На этих же 16 солдат, согласно другому арматурному списку от 23 мая того же 1922 г., приходится, кроме того: ватных шаровар – 11, гимнастерок летних – 13, простыней – 8, наволочек – 3 и одеял – 4.

Прошло лето, и 14 сентября 1922 г. начальник конноординарческой команды штаба Поволжской группы (так был переименован III стрелковый корпус) подпоручик Кожевников подает два рапорта своему прямому начальнику – обер-квартирмейстеру группы, который препровождает их к начальнику штаба группы с надписью «ходатайствую». Содержание этих рапортов, помеченных № 164 и 165, таково:

«Прошу Вашего ходатайства о выдаче вверенной мне команде шинелей – 4 штуки, сапог – 6 пар, фуражек – 5 штук, гимнастерок – 3 штуки, брюк – 3 пары, постельных принадлежностей 4 комплекта».

«Прошу Вашего ходатайства об уплате мне семи рублей 10 копеек, израсходованных мною из собственных средств на покупку колец, кожи, пряжек разных и мерного ножа для заготовки узд вверенной мне команде».

На этих рапортах начальник штаба группы наложил следующие резолюции, весьма характерные для описываемого времени:

«Рад, что поручик Кожевников настолько богат, что из собственных средств может производить расходы на казенные надобности. П. С.».

«Может быть, поручик Кожевников укажет склад, где хранятся шинели, сапоги и т. и. П. С.».

Резолюции эти можно понимать как хотите: в прямом и переносном смысле, но налицо остается факт: 7 рублей 10 копеек в то время были огромной суммой, которую редко кто имел в своем кармане даже из командиров частей, не говоря уже о младшем офицере. Скудость складов также была поразительная, и потому достать шинель или пару белья порой было делом далеко не легким.

После возвращения воинских частей из Хабаровского похода все казачьи части вошли в состав 1-го казачьего корпуса (генерал-майор Бородин), составив:

Оренбургскую казачью бригаду;

Сводную казачью бригаду (енисейцы, сибирцы и уральцы); Забайкальскую казачью дивизию.

III стрелковый корпус состоял из двух стрелковых бригад:

Поволжской стрелковой (1-й Волжский, 8-й Камский, 4-й Уфимский стрелковые полки, 1-й кавалерийский полк и 3-я Отдельная Волжская батарея) и Ижевско-Воткинской стрелковой (Ижевский, Воткинский и 1-й Добровольческий стрелковые полки, Воткинский конный дивизион и Отдельная Добровольческая батарея).

Новоприбывший Анненковский «конный» дивизион (коней не имелось, и в дальнейшем, до самого конца существования Белой армии, анненковцы действовали как пехота, сохраняя, однако, наименование «конный») полковника Илларьева был включен в состав Поволжской стрелковой бригады отдельной боевой единицей, так как бригада эта основательно потеряла в течении Хабаровского похода свой кадровый состав выбитыми, искалеченными и обмороженными. Волжский и Камский полки представляли собой не более чем батальоны и в совокупности уступали Уфимскому полку или дивизиону анненковцев, взятых по отдельности. II Сибирский стрелковый корпус в момент прибытия из похода состоял из трех бригад, как о том уже говорилось выше, но в целях приведения организации к большему однообразию было решено сильно потрепанную в Хабаровском походе 3-ю пластунскую бригаду свести в один полк и влить его в 1-ю стрелковую бригаду. 15 мая был отдан приказ о сведении 1-й и 3-й бригад в одну – 1-ю стрелковую. Командиром бригады был назначен генерал-майор Вишневецкий, его помощником – генерал-майор Правохенский. В целях приведения к полному порядку вверенных ему воинских частей генерал Смолин пошел еще дальше и, нарушая обычаи и традиции белых полков, присвоил всем своим шести стрелковым полкам по порядку номера от 1 до 6, так что его корпус получил такой вид:

1-я стрелковая бригада (1-й пластунский, 2-й Уральский и 3-й егерский полки, 1-й кавалерийский и 1-я Отдельная стрелковая батарея).

2-я Сибирская стрелковая бригада (4-й Омский, 5-й Иркутский и 6-й Добровольческий полки, 2-й кавалерийский и

2-я Отдельная Воткинская батарея).

Излишек артиллерии, в каждом корпусе по две батареи, образовал корпусную артиллерию:

2-й артиллерийский дивизион (полковник Смольянинов) и составе Иркутской и Добровольческой батарей;

3-й артиллерийский дивизион (полковник Бек-Мамедов) в составе 1-й и 2-й батарей.

При этом 2-й дивизион остался в распоряжении генерала Смолина, а 3-й в распоряжении генерала Молчанова. Организация батарей была одинакова – каждая батарея по 2 трехдюймовых орудия (исключения составляли: Иркутская батарея – 3 орудия, Забайкальский казачий

дивизион – 3 орудия и Сибирская казачья батарея – 1 орудие), но численность людского и конского состава осталась различной: в батареях полковник Бек-Мамедова по 25–30 солдат и 7 офицеров, в 1-й отдельной батарее полковника Романовского около 25 офицеров и 80 солдат, во 2-й Отдельной Боткинской батарее полковника Алмазова при 10–12 офицерах свыше 100 солдат. Эта батарея была самой многочисленной из всех белоповстанческих.

Так как офицерский состав в отношении своей теоретической подготовки заставлял желать много лучшего, то, с переходом частей на мирное положение, была разработана программа занятий с офицерами по теории, тактике и строю. Во всех каппелевских частях был излишек офицеров. Оставляя в частях необходимое количество офицеров, было решено всех слабых в познаниях откомандировать в стрелковые школы. Таковые были образованы в каждом из корпусов. Однако откомандированные офицеры продолжали жить и довольствоваться при своих частях. Старшие же, лучшие и образованнейшие офицеры были также откомандированы от частей в школы на роль преподавателей. В первую очередь были откомандированы в школы офицеры, произведенные из солдат за боевые отличия, затем окончившие школы прапорщиков, а в дальнейшем предполагалось пропустить сквозь курсы и всех офицеров военного времени. Провести эту программу не удалось из-за последовавших вскоре событий, разговор о которых будет ниже. Все же школы принесли большую пользу, особенно в артиллерии.

За неимением времени на составление требовательных ведомостей на жалованье во время Хабаровского похода таковые не посылались в интендантство, но с возвращением войск «домой» перед правительством предстала перспектива выплаты всей армии жалованья более чем за полугодие, так как вернувшиеся из похода воинские части составили свои требовательные ведомости и отправили их со своими представителями (в большинстве случаев заведующие хозяйственной частью) во Владивосток в Главное интендантство. По проверке ведомостей интендантство должно было обменивать эти требовательные ведомости на ассигновки, по которым части могли и должны были получать деньги из казначейства.

Ассигновки делились на четыре категории: к 1-й категории принадлежали ассигновки, покрывающие довольствие воинских частей, ко 2-й категории – жалованье строевым частям, к 3-й – жалованье тыловым частям и гражданским управлениям, к 4-й различные отпуска уполномоченным правительства и т. и.

Гаситься ассигновки должны были в порядке номеров категорий, то есть в первую очередь ассигновки 1-й категории, потом 2-й, 3-й и, наконец, 4-й. Такой план был принят и одобрен ведомством финансов, во главе которого стоял некий господин Дмитриев. Таким образом, казначейству предстояло выплатить весьма крупные суммы, наличность же всегда была невелика. Она зависела главным образом от сбора таможенных налогов. Отсутствие запасных сумм понуждало казначейство записывать в очередь поступающие ассигновки, и в действительности их ожидало очень медленное погашение частями, ибо приход казначейства пропорционально распределялся между всеми зарегистрированными ассигновками. Месяцы и месяцы потребовались бы для покрытия этих ассигновок за время Хабаровского похода, а тем временем должны были набежать уже новые ассигновки. Получался как бы заколдованный круг. Такая перспектива не могла не волновать людей в воинских частях. Со времени оставления Забайкалья, то есть с конца 1920 г., воинские части не получали жалованья (летом 1921 г. один или два раза были выданы пособия). Люди склонны были считать, что злой умысел и нежелание правителей платить являются основой такого порядка. По рядам войск поползли слухи, утверждающие причастность членов правительства к «мошеничеству» – нежеланию платить бойцам и без того скромного жалованья.

Опасаясь ли новых волнений в армии или же преследуя не совсем чистые цели, но так или иначе Минфин разрешил принимать налоги, поступающие в казначейство, военными ассигновками. Эта мера, естественно, повела к спекуляции. Желая во что бы то ни стало скорее

достать деньги, предприимчивые представители предприимчивых воинских частей с согласия своих командиров и заинтересованных в ассигновках лиц вошли в сделку с соответственными лицами и стали продавать им свои ассигновки со скидкой. Сначала за учет ассигновок первой и второй групп брали по 4–5 %, а потом 8 %. Предложение росло с каждым днем, а спрос не увеличивался.

В конце мая 1922 г. ассигновки 1-й и 2-й категорий продавались по 82 копейки за 1 рубль, но развернувшиеся затем события во Владивостоке и Никольск-Уссурийском подорвали их рыночную стоимость. Морские стрелки заняли таможду. Все ее поступления они стали забирать на покрытие своих ассигновок, нисколько не считаясь с интересами других частей. Вслед за тем 3-й стрелковый артиллерийский дивизион (полковник Бек-Мамедов) занял Государственный банк. Средства, имевшиеся здесь, пошли на покрытие ассигновок этого дивизиона и других частей 3-го стрелкового корпуса. Оренбургские казаки заняли казначейство. Денег тут не оказалось, и они туда ниоткуда не поступали, поэтому Оренбург ничего не получил.

Конкурируя друг с другом, части Никольск-Уссурийского, Спасского, Владимиро-Александровского, Раздолинского и других гарнизонов стали сбивать цену ассигновок. Спекулянты заключали с частями условия, но выполнять их они теперь уж не могли, ибо ассигновки в цене катастрофически падали. Теперь уже ассигновки 2-й категории продавались по 65 копеек за рубль, но через несколько дней их ценность упала до 48 копеек. Представители частей выбивались из сил, но что они могли сделать? А тем временем младенчески неопытные в финансовых вопросах воинские чины считали своих представителей, а не кого иного повинными в крахе. Редко кто из представителей получал от своей части право продать ассигновку за наличные по рыночной цене, большинство представителей должны были ждать согласия своих сослуживцев и командиров на продажу по той или иной цене, но вся беда была в том, что, когда такое согласие приходило, рыночная цена стояла уже опять ниже и несчастному представителю надлежало вновь запрашивать свою часть о согласии продать дешевле.

Таким порядком цены на ассигновки 1-й и 2-й категорий вскоре достигли 37 копеек за рубль, ассигновки же 4-й категории котировались по 17 копеек за рубль. На этом уровне они и остановились.

С приездом генерала Дитерихса министр финансов Дмитриев был смещен, а в дальнейшем и арестован. (Это сообщение как будто противоречит дальнейшим данным.) При его аресте у него было обнаружено ассигновок на сумму до 300 000 рублей, которые, по его словам, были переданы ему его приятелями на предмет проталкивания вперед. Была назначена следственная комиссия, коей и были переданы арестованные ассигновки. Тут началась новая беда: ассигновки подлежали регистрации и оставлению их при «деле» до окончания такового. Иными словами, многие войсковые части лишались теперь на многие месяцы возможности получить даже самые гроши за свои ассигновки. Только немногим воинским частям удалось выудить свои ассигновки от следственных властей, благо те еще не были зарегистрированы, но большинству ничего не удалось уже сделать, так как их ассигновки были уже зарегистрированы. Следствие все еще тянулось, когда вновь пришлось идти в поход, на этот раз для обороны Южного Приморья. Так и закончилось это громкое дело с грошовым жалованьем, столь необходимым ободранным бойцам за национальную Россию.

Между прочим, в этой операции ассигновками через посредство некоего господина Хоцкого, передававшего ассигновки Минфину, 1-я отдельная батарея (полковника Романовского) потеряла 8000 рублей, 1-й кавалерийский полк (генерал Хрущев) до 20 000 рублей, а никольск-уссурийская милиция что-то около 73 000 рублей. Отметим, что ряд высокопоставленных персон, как то генералы Федотьев, Артамонов, Трофимов, были с Хоцким на «ты».

В заключение этой главы можно привести текст одной из записок, взятой из бумаг генерала Смолина. На этой записке нет даты, но она, бесспорно, относится к данному времени и

говорит о тех предполагаемых мероприятиях, которые высшее военное каппелевское командование наметило для проведения в жизнь. Бесспорно, многое из этой записки послужило бы на пользу армии, ее чинам и, быть может, даже населению края, но также несомненно, что, в известной своей части, она была направлена против членов правительства, как отдельных личностей, так и всей его организации. Это неминуемо должно было вызвать столкновение каппелевского командования с Приамурским правительством братьев Меркуловых, что в действительности и произошло.

Вот текст этой записки:

«1. Реорганизовать в стрелковых частях армии при данной обстановке нечего и бесполезно. Хозяйственные аппараты частей трогать и водить нельзя, так как через них части самообеспечиваются, не имея в достаточном количестве от казны самого насущного.

2. Признать принцип, что армия – доминирующий факт, обеспечивающий даже фактом своего существования приамурскую государственность и национальное дело. Поэтому, применительно к нуждам армии и ее задачам, должен быть, с участием военного командования, реорганизован и сокращен гражданский аппарат.

3. Не должно быть политически через голову командного состава и дальнейшей дезорганизационной работы в частях (разные указания правительства). Это прежде всего дискредитирует правительство и его без того слабый авторитет.

4. Подчинить всех вооруженных людей гражданской службы (милиция, сторожа и проч.) в инспекторском отношении военному командованию, дабы прекратить сосредоточения в них дезертиров и преступного элемента.

5. Инвалидов и неспособных к службе поставить на гражданскую службу, где можно, вместо них здоровых вернуть в строй или уволить.

6. Немедленное обеспечение армии неприкосновенным фондом, на случай каких-либо непредвидимых несчастий, дабы армия могла при помощи этого фонда выносить и продолжать борьбу, хотя бы и в ином месте.

7. Непромедлительное улучшение питания людей и лошадей.

8. Выработать план укрепления власти в крае и очищения его от партотрядов. План борьбы с большевиками на Дальнем Востоке.

9. Армия должна остаться самодовлеющим организмом при данном ее устройстве впредь до создания в крае постоянной власти и прочного финансирования армии этой властью.

10. Учреждения комиссии из строевых начальников для пересмотра всего личного состава гражданского и военного аппарата.

11. Военному командованию отказаться от способов „тихой сапы“ при проведении в жизнь задач армии по ее укреплению, устройению и борьбе за ее цели».

II Майский «недоворот» 1922 г

«Заговор правительства и семеновцев против каппелевцев». – События 30 мая во Владивостоке. – События в Никольск-Уссурийском. – Приглашение генерала Дитерихса и его приезд

Неудачный поход на север, финансовые затруднения и, как результат последних, скандал с ассигновками – все это вызвало трения между членами правительства и командованием Белой армии. В своих книгах В.Г. Болдырев («Директория, Колчак, интервенты»), С.П. Руднев («При вечерних огнях») и генерал П.П. Петров («От Волги до Тихого океана в рядах белых») достаточно обстоятельно изложили причины и ход печальных событий, которых я буду касаться поэтому лишь поскольку они недоосвещены вышеназванными авторами и поскольку то касается ряда деталей армейской жизни того времени.

Назревание конфликта между правительством и командованием не составляло большой тайны, и в рядах армии поговаривали, что каппелевское командование якобы собирается арестовать правительство и взять власть всецело в свои руки. Приведенная в конце предыдущей главы записка из бумаг генерала Смолина не отрицает «агрессивных» намерений командования (во всяком случае, некоторых высших чинов его). Во всяком случае, правительство братьев Меркуловых, видимо усвоившее привычку неоплаты своих счетов, так еще недавно отказавшееся от своего собственного приказа о шестимесячном сроке добровольческой службы, сделало теперь ряд назначений, вызвавших так называемый «недоворот».

Год тому назад, опираясь на семеновские воинские части, братья Меркуловы оказались у власти. Власть они по предварительному соглашению с семеновцами должны были взять в свои руки лишь на время для того, чтобы пригласить «варяга» – атамана Семенова и передать ему верховную власть. Однако власть показалась братьям сладкой, и, так как противное атаману каппелевское командование предложило свою поддержку в случае недопущения атамана во Владивосток, братья, недолго думая, отказались от своих обещаний семеновцам и, опираясь на каппелевцев, повели борьбу с первыми если не огнем и мечом, то, во всяком случае, путем голодовки. Атаман и семеновцы должны были в конце концов сдаться, ноябрьский «недоворот» не удался, и глава семеновцев (генерал-лейтенант Глебов) со своими помощниками (полковниками Буйвидом и Глудкиным) оказались под арестом. Братья же Меркуловы и каппелевское командование отправились под Хабаровск добывать там себе лавры... Теперь же положение в корне изменилось, и, так как у Меркуловых своей собственной опоры не имелось, в борьбе с каппелевским командованием они, естественно, могли опереться лишь на своих прежних друзей-покровителей, потом ставших побежденными противниками, – семеновцев. И вот, действительно, вчерашние враги стали снова друзьями, и генерал-лейтенанты Савельев и Глебов получили назначения на высшие командные посты. Их помощники, полковники Глудкин и Буйвид, также получили назначения – первый был назначен командиром 1-й стрелковой бригады, а второй – командиром пластунской бригады. Забайкальская казачья дивизия и Сибирская флотилия (адмирал Старк) были на стороне правительства. Братья предполагали, что для начала этого достаточно, а в дальнейшем и еще кое-кто присоединится к ним.

Следует подчеркнуть, что все с самого начала носило какой-то заговорщический характер. Старое командование оставалось на своих постах. Приказы о реформированиях и персональных переменах не были опубликованы. Между тем в карманах вышеуказанных четырех лиц семеновской ориентации (генералы Савельев, Глебов, полковники Глудкин, Буйвид) лежали приказы об их личных назначениях, подписанные правителями. Генерал Савельев

разгуливал по Владивостоку, хвастаясь, что он теперь – командарм. Полковники Глудкин и Буйвид выехали к местам расположения «их» частей. Напрасно полковник Доможиров (бывший начальник штаба 1-й стрелковой бригады, а ныне командир 2-го Уральского стрелкового полка), находившийся во Владивостоке в служебной командировке, отговаривал своего бывшего соратника и друга – полковника Глудкина от очевидной авантюры. Тот ничего не хотел и слышать.

Запутанность и двойственность положения была налицо. Скандал надвигался на последний клочок белой Русской земли...

В книге П.С. Парфенова (Алтайский) «Борьба за Дальний Восток» подоплека событий освещается так: «В марте 1922 г. от „левой“ части Народного собрания в Пекин для встречи и беседы с маршалом Жофром ездил генерал Болдырев. Последнего французский маршал принял всего на пять минут. Зато Болдырев вдоволь наговорился с советником советского посольства В.Л. Вилинским-Сибиряковым и по возвращении во Владивосток прямолинейно доложил Народному собранию о необходимости поисков „почетного“ договора с Читой... К выводам генерала Народное собрание полностью не присоединилось, но на собрании 14 мая оно единогласно, при 12 воздержавшихся, приняло закон об Учредительном собрании без всяких поправок в отношении к коммунистам. Выборы в Учредительное собрание назначались на 1 июня текущего 1922 г., и правительству предлагалось создать необходимые свободы, гарантии и прочее. Меркуловы увидели, что имеют против себя настоящий „заговор“ и 29 мая издали два указа, распустив Народное собрание».

Приказ правительства о роспуске Народного собрания явился той последней каплей, что переполнила чашу: члены Народного собрания постановили не исполнять приказ правительства. Президиум собрания обратился за поддержкой к военному командованию. Командование поддержало членов Народного собрания, которое, впрочем, не пользовалось репутацией делового органа, но в данном случае для каппелевского командования был важен предлог, а не сама сущность.

Командование потребовало от членов правительства ухода в отставку, но последние, конечно, отказались и, опершись на Сибирскую флотилию, объявили каппелевское командование мятежниками. Генерал Глебов на Первой Речке стал собирать своих приверженцев и формировать из них Дальневосточную казачью группу.

По главе «мятежников» во Владивостоке стоял командир 3-го стрелкового корпуса – генерал-майор Молчанов. Его же начальник штаба, полковник Ловцевич, не желая принимать участие в новой междоусобице, согласно просьбе был уволен в отставку 1 июня (приказ по корпусу № 251), а его место занял бывший обер-квартирмейстер штаба, полковник Генерального штаба Савчук. Сдача и прием должности были завершены в тот же день.

Таким вот образом положение во Владивостоке окончательно запуталось, тем более что Президиум Народного собрания и каппелевское командование стало призывать из Харбина «варягов» – Гондатти, а потом Дитерихса.

Но оставим на время Владивосток и обратимся к Никольск-Уссурийскому.

После переформирования новая 1-я стрелковая бригада квартировала в Никольск-Уссурийском (2-й Уральский, 3-й егерский полки и 1-я Отдельная стрелковая батарея) и в Спасске (1-й пластунский и 1-й кавалерийский полки). Генерал Вишневский пребывал в Спасске, а его помощник генерал Правохенский в Никольске. Бывший командир 1-й бригады, полковник Александров, превратился теперь в командира 3-го егерского полка, так сказать, пришел к своему исходному положению, которое занимал перед Хабаровским походом. Начальник штаба 1-й бригады полковник Доможиров занимал теперь должность командира 2-го Уральского полка, которым он командовал в Забайкалье, а потом в Приморье до апреля 1921 г. Полков-

ник Гампер, командовавший Уральским полком после полковника Доможирова, стал теперь помощником командира 2-го Уральского полка. В егерском полку такого понижения бывшему командиру полка испытать не пришлось, так как он (полковник Зултан) погиб в самом конце Хабаровского похода, в селе Ново-Гордеевка.

Отметим также, что после переформирования части новой

1-й стрелковой бригады были посещены генералами Смолиным, Вишневым и Правохенским. Каждым в отдельности. Они производили поверхностный смотр частям и знакомились со старшими офицерами и командирами. На этом дело и ограничилось, и никто из «знакомившихся» друг с другом и помыслить не мог, какая история разыграется через каких-нибудь несколько недель. А разыгралось вот что.

30 мая как ни в чем не бывало полковники Глудкин и Буйвид приехали по железной дороге в Никольск-Уссурийский. Полковник Глудкин направился в Уральский полк к своему большому приятелю, полковнику Гамперу, а полковник Буйвид остановился у одних из своих знакомых. В карманах у обоих полковников лежали приказы правительства о назначении их командирами несуществующих 1-й стрелковой и пластунской бригад с непосредственным подчинением главе правительства. Приказов о развертывании ныне существующей 1-й стрелковой бригады в «1-ю» и «пластунскую» не имелось, равно так же, как не имелось и приказа о выделении частей ныне существующей 1-й бригады из состава 2-го Сибирского стрелкового корпуса. Отсутствие этих приказов, несомненно, ставило в ложное положение командира 2-го корпуса, всех командиров частей теперешней 1-й бригады, а также и обоих «вновь назначенных» комбригов.

Полковник Глудкин объехал части своей бывшей бригады. Он был весьма популярен и любим в Забайкалье и в Приморье до Хабаровского похода. Однако кутежи его в Спасске, в то время как его бригада сражалась под Хабаровском, и сладкие слова в Покровке-на-Амуре, не подкрепленные на сей раз делами, до известной степени охладили его подчиненных, и последние далеко не с детской доверчивостью слушали теперь мысли и планы своего бывшего командира. Егерями, которых Глудкин вывел с Тобола в Забайкалье, он был встречен тепло. Часть уральцев, с полковником Гампером во главе, встретила полковника Глудкина, пожалуй, даже еще лучше, нежели егеря, но в то же время другая часть офицеров этого же полка неодобрительно отнеслась к глудкинским проектам, хотя открытых возражений все же не было, так как дисциплина и этика не позволяли этого. По объезде обоих стрелковых полков Глудкин отправился в батарею полковника Романовского. Поздоровавшись с выстроенными во фронт чинами батареи и побеседовав на общие темы с офицерами в их офицерском батарейном собрании (одна комната), полковник Глудкин прошел к полковнику Романовскому и там с ним беседовал некоторое время наедине. Затем он вышел и уехал к себе, то есть на квартиру к полковнику Гамперу.

После отъезда полковника Глудкина полковник Романовский собрал своих офицеров в батарейном собрании и задал им вопрос, что они думают по поводу выделения батареи совместно с егерями и уральцами в состав новой 1-й стрелковой бригады с командиром ее – подполковником Глудкиным? Единодушный ответ офицеров был таков, что этот вопрос подведомый решению высшего командования, что с егерями и уральцами приятно вместе служить и работать, что же касается подполковника Глудкина, то до поздней осени 1921 г. лучшего командира бригады и желать не хотели и надо надеяться, что и теперь подполковник Глудкин окажется также хорошим начальником. Получив такой ответ, полковник Романовский задал второй вопрос: а что думают господа офицеры по поводу самовольного выхода батареи из подчинения генералу Смолину? На этот вопрос, после минутного молчания, офицеры батареи так же единодушно ответили, что хотя батарея и недолюбливает генерала Смолина, но все же о самовольном выходе из его подчинения разговора быть не может. «Уж пусть там полковник Глудкин и вы, господин полковник, как-нибудь уладите этот вопрос с генералом Смолиным, а

затем мы рады служить с полковником Глудкиным». Полковник Романовский выслушал своих офицеров, а затем заявил: «Я рад, господа офицеры, что не ошибся в вас». Оказывается, полковник Глудкин настаивал и склонял полковника Романовского к выходу из подчинения генералу Смолину, без разрешения и уведомления последнего на основании имеющегося у него приказа главы правительства, но полковник Романовский сказал ему, что без согласия местного начальника гарнизона генерала Смолина это невозможно. После событий у уральцев и егерей только поняли офицеры-батарейцы, что посещение полковника Глудкина было неспроста. Глудкин настаивал перед полковником Романовским на открытом разговоре с офицерами, но последний уклонился от этого, указав на бесполезность подобного разговора.

Оказывается, в обоих полках Глудкин беседовал с «верными» офицерами и солдатами. Временно командующий (за отъездом полковника Доможирова во Владивосток) Уральским полком полковник Гампер – ярый личный враг генерала Смолина еще с мирного времени, когда они служили в одном и том же Омском гарнизоне (Смолин в 44-м, а Гампер в 43-м Сибирском стрелковом полку), сразу и полностью согласился с планом Глудкина. Практичный командир егерей, полковник Александров, бесспорно постарался бы увильнуть от принятия весьма шаткого в своем основании плана Глудкина, но он должен был считаться с мнением и симпатиями своих подчиненных, часть которых его обожала, в то время как другие относились тепло к своему первому командиру. Поэтому Александров дал также свое согласие на переход полка в подчинение к подполковнику Глудкину.

Все это разыгралось днем 31 мая, но широкой огласке еще не предавалось, так что взаимоотношения полковников Глудкина, Александрова, Гампера и Романовского со своим прямым начальством (генерал Правохенский, генерал Смолин) до утра следующего дня еще не были порваны прямым нарушением дисциплины и субординации. Конечно, генерал Смолин в этот вечер знал, что в частях 1-й стрелковой бригады идет какое-то шушуканье, но истинный смысл его, возможно, был еще неизвестен комкору.

Между тем во Владивостоке события развивались своим чередом, и, когда настало утро 1 июня, генерал Смолин не нашел ничего лучшего, как собрать у себя всех командиров частей гарнизона и поставить их в известность о том, что, по только что им полученным сведениям, во Владивостоке далеко не все благополучно, там что-то происходит, что именно, генерал Смолин, видимо, не знал как следует сам (таково было мнение полковника Романовского по возвращении с этого собрания). Между тем полковники Александров и Гампер не сочли нужным на это собрание явиться, причем полковник Александров все же политично сообщил, что он болен, полковник же Гампер ничего не сообщил. Подполковника Глудкина на это собрание, конечно, никто не приглашал, и он тоже отсутствовал. Отсутствие двух командиров полков не прошло незамеченным, и, надо полагать, кому нужно было, тот своевременно намотал кое-что себе на ус.

В этот день, 1 июня, 1-я Отдельная батарея полковника Романовского жила обычной, правда, чуть-чуть напряженной жизнью, но в обоих полках жизнь кипела. Утром этого дня подполковник Глудкин отдал приказ по своей «бригаде» о выделении из состава 2-го Сибирского стрелкового корпуса. Вместе с тем подполковник Глудкин не утрудил ни лично явиться к генералу Смолину, ни послать тому хотя бы копию приказа главы правительства и своего приказа по бригаде о вступлении своем в командование ею. Таким образом, генерал Смолин мог и должен был рассматривать в этот день оба полка как подчиненные ему части. Глудкин, как лицо официальное, для него в этот день не существовал, это был личный гость полковника Гампера.

Между тем полковник Глудкин изъятием подчинившихся ему полков из состава 2-го корпуса резал им возможность получать из интендантства 2-го корпуса продукты для продовольствия людей и коней. Своего интендантства не имелось. Как думал справиться с этим вопросом сам полковник Глудкин, остается тайной. В общем, приходится сказать, что планы Петра

Ефимовича (имя и отчество Глудкина) были весьма неясны. В этот день частям приказано было выдавать только мясо, сохраняя рыбу. Оружие приказано было запрятать, и целый день люди таскали из дома в дом пулеметы, патроны и гранаты. Частям также было приказано быть готовыми к движению походным порядком. Куда? Об этом, видимо, сам подполковник Глудкин не знал хорошо. Он говорил своим «приближенным» о наличии у него каких-то общих директив «старика» (генерал-майор Лебедев, бывший начальник штаба Верховного правителя и Верховного главнокомандующего) и о походе через Маньчжурию хотя бы с сорока бессмертными. Короче – сумбур был полный.

Небезынтересно то, что казармы обоих глудкинских полков находились в непосредственной близости с казармами 4-го Омского стрелкового и 2-го кавалерийского полков. Канцелярия же 2-го Уральского полка находилась прямо против штаба 2-го Сибирского стрелкового корпуса. Некоторые из близких Глудкину офицеров спрашивали своего вновь объявившегося начальника о том, как считает он нужным поступить в случае возникновения открытого конфликта с частями 2-го Сибирского корпуса, что должно было считать не только не исключенным, но даже вполне возможным.

Подполковник Глудкин и его окружение и думать о возможности конфликта не хотели. «Смолин не посмеет» – таков был лозунг. Следует также отметить, что свое вступление в командование бригадой подполковник Глудкин и его личные друзья отпраздновали банкетом, за коим, возможно, кое-кем было выпито лишнее.

Наконец на землю спустилась ночь, ночь с 1 на 2 июня, но не только усиленной охраны расположения полков, но даже ни одного вооруженного поста выставлено не было. Не имелось и дежурных частей, да к чему все это, если Смолин не посмеет?

Но генерал-майор Смолин думал иначе. Он знал обо всем, что происходит в обоих полках 1-й стрелковой бригады, и решил одним ударом покончить с авантюрой. Приблизился рассвет 2 июня. Густой туман заволакивал землю. Части 2-й Сибирской стрелковой бригады и 2-й кавалерийский полк, поднятые ночью, оцепили расположение обоих полков 1-й стрелковой бригады. Еще не было 6 часов утра, как дневальные полков 1-й бригады увидели быстро идущих на них вооруженных воинских чинов. Это были чины 2-й Сибирской стрелковой бригады. Была поднята тревога, но слишком поздно: генерал Смолин и полковник Аргунов во главе своих чинов были уже у дверей первой казармы. Вбежав в казармы, чины 2-го корпуса бросились к винтовкам. Последние находились в пирамидах под замком, как в мирное время, так что, если бы стрелки полков 1-й бригады и захотели разобрать по рукам винтовки, то все равно из-за отсутствия достаточного времени не смогли бы этого сделать.

Генерал Смолин вошел в казарму. Разбуженные неожиданным шумом, люди, лежа или сидя на койках, протирали глаза... «Удивляюсь: отчего не встают, когда входит командир корпуса? Встать!» – воскликнул Смолин. Это было явным и элементарным нарушением устава внутренней службы, ибо люди отдыхали и сигнала к побудке дано еще не было, но тем не менее неодетые и полусонные стрелки 1-й бригады выполнили команду и кто в чем был повскакали с кроватей и вытянулись перед комкором.

Генерал Смолин обошел роты 2-го Уральского полка и приказал вызвать «помощника командира полка», то есть полковника Гампера. Должности командира полка за ним, согласно исчислениям подполковника Глудкина, он признавать не собирался. Полковник Гампер между тем находился в помещении канцелярии полка. Некоторые участники этой печальной истории говорят, что на требование генерала Смолина отдать ему полковое знамя полковник Гампер ответил, что знамя он может получить, лишь переступив через его труп. Генерал Смолин приказал якобы бывшим при нем чинам 2-й Сибирской стрелковой бригады все же взять от полковника Гампера знамя силой. Тогда Гампер выхватил револьвер, но последний дал осечку. В то же самое время генерал Смолин приказал рядом стоящему пристрелить полковника, что и было выполнено.

Так ли дело происходило или нет, но полковник Гампер был мертв, а оба полка разоружены. Комкор тут же приказал раскассировать уральцев и егерей по частям 2-й Сибирской стрелковой бригады. Люди уже строились для разбивки, когда пришла весть, что подполковник Глудкин, запершись в одной из комнат второго этажа и отказавшись сдаться, убит брошенной в окно гранатой. Говорили и называли фамилию одного из офицеров 2-го кавалерийского полка как «героя» этого дела. Арестованный же на своей квартире полковник Александров пытался застрелиться, но только легко ранил себя.

К 9 часам утра все было кончено. Офицеры и солдаты 2-го Уральского и 3-го егерского полков были разбиты по полкам 2-й Сибирской стрелковой бригады. Началась разбивка лошадей и раздел полкового имущества этих славных еще так недавно полков.

Позднее выяснилось, что в эту же ночь от 2-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона был выслан конный отряд для разоружения и раскассирования 1-й Отдельной стрелковой батареи полковника Романовского, той самой, что еще два дня тому назад наотрез отказала подполковнику Глудкину нарушить законный порядок перехода части из подчинения одного лица к другому. Возможно, твердость и законопослушность командира и чинов этой батареи были неизвестны штабу 2-го Сибирского стрелкового корпуса. Во всяком случае, батарея мирно проспала, и на следующее утро, 2 июня, побудка была произведена в обычное время и ежедневные будни начались, когда в батарею прибежало несколько вырвавшихся от конвоя офицеров и солдат родных разоруженных полков. Только теперь узнали батарейцы 1-й стрелковой бригады о судьбе своих полков. После этого прошло еще несколько дней, прежде чем батарейцы полковника Романовского узнали о попытке их разоружить и причине ее неудачи. Как читатель помнит, 1-я Отдельная батарея 1-й стрелковой бригады по прибытии в Никольск оказалась расквартированной совсем на отлете от всех частей русского гарнизона и помещена среди японских воинских частей. Это обстоятельство и сыграло свою роль: когда конный отряд 2-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, при движении к месту расположения глудкинской батареи, выехал на японских часовых, те остановили каппелевцев... Разъяснения последних не были приняты. «Нашему командованию ницего неизвещно». Против такого аргумента делать было нечего, и не солоно хлебавши смолинские артиллеристы вернулись восвояси.

В эту же самую ночь на 2 июня третий отряд от частей 2-й Сибирской стрелковой бригады направился в расположение «подозрительной» Забайкальской казачьей дивизии, размещавшейся в казармах рядом с частями 1-й и 2-й стрелковых бригад. Однако из похода этой третьей смолинской колонны ничего не вышло, так как она наткнулась на сильные караулы забайкальцев перед расположением дивизии. В свое расположение забайкальцы смолинцев не допустили и пригрозили открытием огня. На это генерал Смолин согласия своего не давал, и отряд 2-й Сибирской стрелковой бригады ни с чем вернулся назад.

В последующие дни забайкальцы продолжали выставлять усиленные караулы, а батарея полковника Романовского, находясь в расположении японских войск, не нуждалась и в этом, так как японцы предложили ей свою охрану. Офицеры и солдаты бывших 2-го Уральского и 3-го егерского полков в частях 2-й Сибирской стрелковой бригады были разбиты таким образом, что оказались единицами, вкрапленными в чужие им взводы. Кое-кто из раскассированных чинов, не желая нести службу в смолинских частях, бежал к забайкальцам и на бронепоезда. И тут и там их встречали радушно и тотчас же зачисляли в состав своих частей. У забайкальцев таким порядком собралось до 40 чинов. Несколько человек, как о том уже говорилось выше, прибежали и были зачислены на довольствие в батарею полковника Романовского.

Характерно отметить: 6-й Добровольческий полк через несколько дней после описанных событий должен был двинуться по железной дороге на ст. Гродеково. Командир полка, опасаясь, что при следовании к станции железной дороги многие из глудкинцев, чего доброго, разбегутся, приказал всех офицеров и солдат, полученных им от раскассированных полков, вести

на станцию железной дороги под конвоем и таким порядком держать их до самого момента отхода эталона. Все же при посадке нескольким из арестованных удалось удрать.

Свои сильные караулы забайкальцы держали до полного умиротворения, которое последовало лишь после приезда генерала Дитерихса и вступления его в фактическое командование войсками Приамурского правительства.

Полковник Буйвид подлежал аресту, и за ним отправилось несколько человек, но он вовремя был предупрежден и благополучно бежал и скрылся.

В Спасске тоже произошли события, но не такого порядка, как в Никольске или во Владивостоке. Здесь не было пролито ни единой капли крови, и дело ограничилось отданием ряда противоречивых приказов несколькими персонами (генерал Вешневский, генерал Хрущев, полковник Салазкин) и выводом во избежание смятения умов 1-го кавалерийского полка на несколько дней в близлежащие деревни.

Кризис затянулся. Это уже не был «переворот», а только «ледоворот», как окрестили его в Приморье участники и наблюдатели. Каппелевское командование и меркуловское правительство, опираясь на верные им части, стояли друг против друга, не уступая своих позиций, но также ничего и не приобретая. Наличие в крае третьей стороны – японцев (красные в счет не шли) понуждало обе стороны к удержанию своих кулаков, и борьба ограничивалась непристойным обливанием (и самообливанием) своего противника устной и письменной грязью. В книге П.С. Парфенова (Алтайский) приводятся выдержки из этой «литературы». Повторять их тут мы не будем, желающий может обратиться к упомянутой книге. Долго ли бы так продолжалось – гадать трудно, но всех выручил генерал Дитерихс.

Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс, в прошлом начальник оперативного отдела штаба генерала Брусилова, затем начальник штаба Чехословацкого корпуса, а затем, осенью 1919 г., главнокомандующий армиями Восточного фронта (то есть всего Сибирского), покинувший этот пост из-за расхождения во взглядах с Верховным правителем на целесообразность обороны Омска, в июле 1920 г. уже раз приезжал во Владивосток, где вел от имени атамана Семенова с правительством проф. Болдырева переговоры об образовании белого буферного государства. Из переговоров ничего не вышло, и Дитерихс удалился в Харбин, где, отойдя от политики, посвятил себя, совместно со своей супругой, заботам по воспитанию вывезенных из Омска девочек-сирот, а также работал над составлением книги «Смерть царской семьи в Екатеринбурге». Эта тихая и покойная жизнь была как-то разом нарушена летящими одна за другой телеграммами из Приморья и визитами ряда «сановных» персон. Гондатти, которому в первую голову было сделано предложение приехать во Владивосток и взять там дело в свои руки, умыл руки и отказался ехать. Генерал Дитерихс, после непродолжительной, но тяжелой внутренней борьбы, решил принять предложение и приехать во Владивосток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.